

— Я наложу на тебя Заклятие немоты, — сказала Беллатрикс, глядя, как он выполняет ее приказ. — Не хочу, чтобы от твоего крика сюда сбежался весь персонал.

Люциуса колотило. Он прижался спиной к стенке кабинки, чтобы не упасть. Язык его уже обветрил и высох, но Малфой не решался снова спрятать его, пока Беллатрикс махала палочкой.

— Хорошо! — Беллатрикс облизнулась кровожадно и, зажав самый кончик его языка в своих страшных ногтях, резко вонзила шпильку в мягкую плоть. Шпилька пронзила язык насквозь. Хлынувшая кровь стекала по ней на белоснежную рубашку Люциуса, а он беззвучно орал, обнимая себя руками. Из глаз его текли слезы.

Глаза Беллатрикс вспыхнули при виде крови. Рывком вытащив шпильку, она позволила языку Люциуса занять свое место во рту, а потом впилась губами в его губы, насилуя поврежденный язык своим языком. Люциус задохнулся, не ожидая этой грубой ласки, а она уже отпрянула — так же молниеносно, как и прильнула к нему.

И вдруг ее взгляд упал ниже, туда, где — Люциус осознал это только сейчас — он забыл застегнуть ширинку. Его руки поспешили исправить это, но было поздно: опередив его, Беллатрикс ловко схватила его член и сжала в ладони.

— Это даже круче, чем я думала, — прошептала она и прошлась пальцами по стволу, слегка массируя его.

Люциус просто затих, почти перестал существовать, когда почувствовал, что пальцы Беллатрикс теплые и мягкие, даже нежные... Она продолжала играть с его членом, и отступающая боль в языке стала медленно перетекать в пах подступающим возбуждением. Но Люциус был слишком напряжен, слишком взвинчен, слишком расстроен, и его член никак не твердел, выводя Беллатрикс из себя. Наконец, она выпустила его и, хлестко ударив Люциуса по щеке, злобно воткнула шпильку в его плечо и вышла из кабинки, бросив на прощание:

— Надеюсь, Крэбб сможет дать мне то, чего нет у тебя, тряпка.

Люциус стиснул зубы от очередной порции боли и здоровой рукой вытащил шпильку. Она была украшена изумрудом необычной огранки, к которому была приделана короткая шелковая лента черного цвета — как раз в стиле Беллатрикс. Почему он подумал об этом? Кое-как справившись с собой, Люциус застегнул брюки, остановил кровь и пригладил волосы. Шпильку он машинально положил в карман, думая о том, как когда-нибудь отомстит Беллатрикс, проделав с ней все то же самое, что она проделала с ним.

Когда он вышел в зал, чтобы расплатиться за еду, Беллатрикс и Крэбба за соседним столиком уже не было. Незнакомая девица заканчивала обед в одиночестве. Неприятно е чувство охватило Люциуса. Не то, чтобы он волновался за судьбу Крэбба, — ему было абсолютно наплевать, что случится с этим коренастым и сбитым, если не сказать «пухлым», простофилей. Но что-то было не так. Определенно.

Люциус вернулся домой и осмотрел свой язык. Кровь уже остановилась, но прокол продолжал неприятно саднить. Он вздохнул, жалея себя, и упал на кровать. Размышляя о том, как лучше отомстить Беллатрикс, ему пришла в голову странная, необычная мысль. Он вскочил, схватил перо и быстро начал строчить записку своей будущей жене.

Нарцисса появилась в его комнате точно в срок. Люциус уже ждал ее, величаво восседая в кресле. Он был безупречен, и подтверждением этому стал румянец, вспыхнувший на щеках Нарциссы, едва она увидела его.

Но в этот раз он не поднялся из кресла и не подал ей руки, как делал это обычно.

— Раздевайся, — холодно сказал он, внимательно разглядывая ее.

— Что, вот так сразу? — Нарцисса недовольно изогнула бровь и с видом хозяйки прошла из камина в комнату. — Я думала, ты сначала предложишь мне вина.

— Раздеться. Быстро! — в глазах Люциуса вспыхнула ярость. Да неужели же он такой ничтожный, что даже тихая и покладистая Нарцисса его не боится?!

Девушка обернулась к нему, не понимая, что происходит: обычно Люциус был нежен и всегда заботился о том, чтобы доставить ей удовольствие. Это сомнение, читающееся в ее глазах, привело Малфоя в бешенство. Он вскочил и, вскинув палочку, заорал:

— Дезнудо! — Нарцисса рефлекторно прикрылась, оставшись без одежды.

— Да что происходит-то?! — недовольно воскликнула она, но было уже поздно.

Люциус коршуном налетел на нее, повалил на пол, перевернул на живот и, откинув полы халата, резко схватил ее за бедра и натянул на свой член, заставляя кричать от боли. Одной рукой он вцепился в ее бедро, сжав до синяков, а другой схватил ее, брыкающуюся, рыдающую, за волосы и рванул на себя, заставляя прогнуться. Нарцисса стонала, кричала, умоляла отпустить ее, прекратить все это, но ее крики только распаляли Люциуса. Он бешено входил в нее, каждый раз вдавливая Нарциссу в каменный пол, и тут же тянул ее за волосы вверх, чтобы через миг снова припечатать к ледяным плитам. Люциус терзал ее, со всей силы врезаясь ногтями в кожу бедра, но перед глазами у него стонала и извивалась вовсе не Нарцисса. Он представлял себе Беллатрикс. Ему даже казалось, что он чувствует ее запах, и от этой невероятно реалистичной фантазии сводило скулы. Он двигался все яростнее, Нарцисса уже лишь молча рыдала, подмахивая ему, чтобы хоть как-то уменьшить боль. Наконец, он кончил, отпустив ее волосы и притянув к себе обеими руками....

И все. Дикая фантазия рассыпалась в пыль, оставляя за собой чувство глубокого стыда перед Нарциссой, неподвижно лежащей на полу и лишь изредка вздрагивающей от всхлипов. Люциус отполз в сторону. Он не знал, что сказать теперь, что сделать. Часы над дверью мерно отсчитывали секунды, и с каждой секундой отчаяние все ближе подкатывало, угрожая накрыть

его с головой. Нервно прикусив губу, он на мгновение закрыл лицо руками, а потом вдруг резко поднял с пола укатившуюся в пылу страсти палочку и, направив ее на Нарциссу, дрожащим голосом прошептал:

— Обливиэйт!

На следующий день Люциусу было нехорошо. Он сидел в кресле и потерянно крутил в пальцах острую шпильку. С Нарциссой удалось расстаться полюбовно: она помнила только, как пришла, и Малфою не составило труда сплести правдивую историю о том, как, перебрав вина, она творила всякие глупости, а потом отрубилась до самого утра. Он завидовал Нарциссе, желая, чтобы кто-нибудь применил «Обливиэйт» и к нему. Но рассказать обо всем, что скопилось на душе, он мог только одному человеку — тому, о ком хотел бы забыть раз и навсегда, — Беллатрикс.

После обеда появился Крэбб. Он показался Малфою помятым, и неизвестное чувство, охватившее его при выходе из ресторана, вернулось, снова показывая под сердцем.

— Как прошел вчерашний вечер? — стараясь казаться безразличным, спросил Люциус, напуская на лицо свое обычное надменное выражение.

— Дерьмово, — грубо отозвался Крэбб, не выбирая выражений. Люциус не любил грубость, но только не в этот раз.

— Что произошло? — покровительственно спросил он, рассчитывая на то, что Крэбб откровенно расскажет обо всем, и ему больше не придется сидеть один на один со своей тайной.

— Беллатрикс, паршивка, — Крэбб шмыгнул носом, — позволила довести ее до самого дома, а потом прогнала, да еще велела передать тебе привет.

Надежды Люциуса разбились.

— Что-то ты слишком потрепанно выглядишь, — предпринял он последнюю попытку вызвать приятеля на откровенность, из последних сил стараясь держать себя в руках. — Может быть, все-таки не сразу она тебя прогнала, а?!

— Ах, это... — Крэбб махнул рукой и, приказав эльфу принести эля, развалился на стуле, словно у себя дома. — Блэк так завела меня, что пришлось наведаться к господину Пиреусу — его девчонки безотказные, сам знаешь!

В душе Люциуса ревела буря. Шлюхи! Конечно, кто же еще?! Да как он вообще мог поверить, что Беллатрикс снизойдет до кого-то, вроде Крэбба! Ведьма!

Внезапно Люциус поймал себя на том, что непонятное чувство больше не колет иголками. Оно ушло, не оставив и следа, и на сердце возникло ощущение, чем-то отдаленно напоминающее умиротворение.

<http://erolate.com/book/3450/82924>